

Сауле Кадырова

Девятый день и ночь

Утопическая миниатюра

День первый

Мама, мама, какое тёмное небо!

Не бойся. Смотри, вон звёздочка показалась!

Мама, что это так ярко светит? Звезда упала?

Загадывай желание, моя бусинка!

Нет, смотри, это не звезда. Хвост длинный, бело-серо-жёлтый какой-то. Такого у звёзд не бывает. И запах ужасный!

А ты носик закрой!

Но всё равно пахнет!

Ну и что?! Помнишь, мы к дедушке за город ездили? Коровы, бычки, козы. Кролики твои любимые.

Да, помню. Но то был не такой запах, мама! Тут прям чем-то ужасным пахнет!

Ну и что?! Ветер раздует...

Ветер! Ветер такой сильный, я вся продутая!

Не ворчи, козявочка. Ух, я тебя защекочу!

Ай, мама, перестань!

Зато согрелась, правда?! Дурашка. Смотри, бабочка! Загадывай скорее желание!

Бабочка? Где?.. Но откуда?.. Так, я хочу...

Нет, нет, не вслух. Так мне моя мама говорила, а я скажу тебе: чтобы желание сбылось, его нужно загадывать сильно-пресильно, но молча. Про себя.

М-м-м-м.

И даже не мычи.

Хорошо, мам! Я тебя...

И я тебя. А теперь давай поспим.

День второй

Мама, подожди, я не успеваю!

Постарайся, прошу тебя! Нам нужно добежать туда.

Я иду. Бегу! Подожди!

Я тут. Возьми руку. Понесла бы тебя, но нога...

Мам, бежим! Не болтай!

Ах, она ещё и командует?!

Мама, куда мы опять бежим?

Нам нужно спрятаться. Поэтому нельзя здесь сидеть.

Но я уже не могу. Я устала.

Знаю, солнце моё. Я тоже. Но мы должны. Поднимайся, пойдём.

А вдруг уже всё закончилось? Послушай, ведь так тихо! Может, уже всё?

Нет, к сожалению, это не так. Ещё не конец. А тишина, знаешь, не всегда хорошая: мы разомлеем, заснём, тут и подловят нас. Поэтому мы всегда должны быть в движении!

Но это невозможно. Уже ноги не идут. И животик...

Знаю, знаю, пустой... Бежим!

Мам!

Тише! Что?

Они убили грушу!

Что?

Смотри. Груша мертва.

Эх...

У неё всё тело сломано.

Бедное дерево...

Моя любимая груша. За что её убили?! Она такая красивая. И яблонька. Где они?

Милая моя, нам нужно...

Мама-а, когда мы пойдём домой?!..

День третий

Мам. Есть хлеб?

Нет, заяц. Есть вода. Держи, попей. Глоток, не больше. Лучше попозже ещё попьёшь, хорошо?

Да... Ой, как же хочется есть! И пить.

Да. Мне тоже. Надо будет к реке выйти.

Сейчас зима.

Нет, уже весна. Птицы пели на днях, ты слышала?

Нет.

А я слышала! Пели!

Надо было поймать птицу.

И что дальше?

И съели бы её.

Правда?

Да.

Ну не знаю. Мне кажется, ты сочиняешь.

Ничего я не сочиняю! Я! Хочу! Есть!!

Не кричи. Ты забыла о правиле тишины?

Да помню я! Забудешь тут! Но я голодная-а-а-а!

И я. Дуся моя...

Хватит! Хватит меня называть всякими глупыми прозвищами! От этого сытее не станет!

Что ж, кричи. Если от крика тебе легче — я больше не буду тебе мешать.

Мам. Прости.

Знаю. Попробуем поспать.

День четвёртый

Мама, смотри! Там кто-то есть!

Тш-ш. Спрячься! Да-да, вон туда, а этим накройся. Так... Теперь сиди тихо. Я попробую подойти поближе.

Мам!.. мне страшно. Не ходи, вдруг...

Нет, нам это нужно. Может, у них есть вода. Может, это вообще наши друзья.

Разве у нас есть друзья?! Разве мы не прокляты? Разве не все нас ненавидят?

Сколько вопросов! Не знаю, человечек. Всё может быть. Помнишь про желание? Теперь я попрошу тебя молиться. Тоже про себя, молча и изо всех сил. Хорошо? А я пойду.

День пятый

Ну вот, держи. У них на земле валялась булочка. Плесени нет, я посмотрела. Ох, да не вырывай из рук-то! Кубышка! Ты же девочка!

Я голодная, а значит, уже никакой разницы, девочка или нет.

И всё-таки помни об этом. Папа тебя как называ... ет? Принцесса!

Ма...

Ешь, ешь, красавица, только жуй не спеша!

Мам, а ты?.. я всё съела... Мама, а папа...

Я не знаю. Но что он нам наказал? Есть, спать и двигаться. И пить воду. Сейчас чем займёмся? Спать?

Точно. Иди ко мне ближе.

Мама, мне холодно.

Дрожишь... Возьми мою кофту.

Мам, а ты? У тебя руки ледяные.

Ничего, сейчас я согреюсь. Я способ знаю.

Какой? Расскажи.

У тебя уже глазки закрываются. Спи, одуванчик, спи...

День шестой

Мама, там волки!

Собаки, наверное. Откуда тут волки?

Нет, смотри, это точно волки! Какие тощие! А-а-а!

Тс! Нельзя, услышат и придут. Погоди-ка... это же ручные волки. Помнишь, мы читали статью про маленький зоопарк? Семейная пара решила спасти раненых животных или детёнышей, которые остались без мам. Они открыли на своём участке что-то вроде зоопарка, построили вольеры, закупили всё необходимое. Помнишь?

Да, теперь вспоминаю. Ты ещё говорила, что надо бы им спасти че...

Замечательно, что ты всё помнишь. Но волки есть волки, даже выросшие с человеком. А тем более такие же голодные, как мы. Поэтому будем тише. И хорошо бы укрыться от ветра.

А ну пошли прочь! Прочь, кому сказала! Не трогай мою девочку! Брысь!

Мама-а-а!

Замри! Замри там и не двигайся!

Мне страшно, мамочка...

Стой, кому говорю! Нельзя бежать. Иначе они помчатся следом. Стой, я сейчас приду к тебе.

Ай! Мама, быстрее! Вон как он близко!

Да чтоб тебя, уйди ты! Вот чёрт проклятый, да уйди!

Мама, мне больно!

Назад! Назад, зараза! Прочь! Не трогай моего ребёнка!

Мама, ну мама! Ну скорее!! Я боюсь! Мама, ты где?! Ты забыла меня?! Мама, мне страшно!

Прочь, прочь, а ну пошли прочь! Брысь! Не трогайте её! Р-р-р-р-р-р-р!

Всё. Видишь, ушли. Всё, нету никого. Ну-ну, не плачь, малышка. Всё позади. Я рядом. Рядом. Они тебя не тронут, не бойся.

Мама, у тебя рука поцарапана.

Не беда. Мне не больно. Главное, ты цела. Всё хорошо. Давай-ка ляжем здесь, укроемся и немного поспим, хорошо?

Не могу спать... глаза закрываю и вижу этих страшных волков...

Нету их уже. Всё, ушли они. Они к нам больше не подойдут, они поняли, что мы сильнее.

Ночь после шестого

Дочка моя, крошка... ты спишь, а я не сомкну глаз которую ночь.

Ты спрашиваешь, есть ли у нас друзья? Нету. Все ли нас ненавидят? Все. Но вслух я тебе этого не скажу. Ты должна верить. И я. А иначе мы погибнем.

Всё уже опробовано ненавистью: и цвет кожи, и разрез глаз, и язык, и форма черепа. Что ещё осталось?! Просто твоя жизнь. Жив, дышишь — значит, враг. Значит, тебя не должно быть. Тебе нельзя.

Сколько же ещё это будет длиться?! Наивное моё детское желание: жить в мире без кпп и паспортов, на земле, среди лесов и пустынь, среди парков и жареного мороженого, среди ароматов пиццы и смешных квакушек... Этого не будет, я выросла и знаю правду. Никто так жить не хочет. Это скучно. И невыгодно. (Кому?..)

Может быть, это такая игра, и каждому родившемуся через несколько десятков лет хочется в неё сыграть? И нет никакой памяти поколений? Пока сам не возьмёшь в руки... карты, не поймёшь, что

чувствует игрок? Видимо, так. Иначе зачем всё повторяется?

Моей дочке шесть лет. Мы готовились к её школьной жизни. Она так радовалась предстоящей учёбе! Всё рассказывала нам с папой, как будет переходить дорогу по светофору, как будет рисовать и мастерить поделки...

Мы из небольшого городка. У нас есть река, лес, у кого-то огороды. Животных тоже держат, чтобы молоко, шерсть и мясо... Не важно, как называется наш город, в каких он координатах. Мы просто люди.

А теперь... теперь мы всё время бежим. Ищем укрытие, рады растоптанному кусочку хлеба, рады, что зима позади: на реке уже нет льда. Мы прячемся, и нет никаких книг, песен и игр на свежем воздухе. Моя доченька перестала расти. Надеюсь, всё же на следующий год она вытянется за эти два. Будут ведь другие года, правда?! Ох, к кому же вопрос...

Груши, нашей любимой красавицы груши больше нет. Дочка о дереве сказала: убили. Да и мне очень жалко деревце. И яблоню убили, и липу. У нас в городке такой красивый парк! Был, был... не могу ещё привыкнуть, что парк мёртв. Как там пахло, как тепло было, ласково! Заходишь — и точно в домик к бабушке попадаешь: тепло, уютно, любимо! Ты любим, ты горячо любим...

Я всегда много читала. Самые разные книги авторов из самых разных стран, хорошо известных и новичков. Я читала всё, что мне нравилось по первым двум страницам. Прекрасны людские творения! Разве важно, откуда родом человек, если Богом ему дарован талант говорить с душами?!

Как-то раз я прочитала, что в японском языке есть понятие «мэцкей сутеми». Оно означает полную решимость идти до конца, готовность биться насмерть. В бою, да, пожалуй, и в жизни, побеждает самая высокая ставка.

И вот эта-то решимость идти до конца без слов понятна самому свирепому зверю и человеку (который порой опаснее). Мэцкей сутеми позволяет выиграть сражение, даже не начав его: чем напугать того, кто умиротворённо смотрит в глаза смерти?!

Я воспитаю в себе мэцкей сутеми. Я готова. Мой муж больше не может нас защитить. Он жив — в наших с дочкой сердцах. Она, надеюсь, ещё этого не знает, а я видела сама. Такие раны не склеить, не зашить.

Мы пока что бежим, мы двигаемся, ищем пути, еду и одеяла. Но я понимаю, что силы в конце концов закончатся. Мышцам нужна пища.

А самое печальное, что ведь люди вокруг! Много людей, больших, сильных мужчин! Мужчин, которые, как я думаю, должны растить счастливых детей вместе с любящими жёнами.

Только они стоят твёрдо на земле. И в руках у них не удочки и поводья. Мы с дочкой стараемся не попадаться им на глаза, хотя они могли бы накормить нас. Могли бы?... нет, конечно. Это сказка. Есть приказ, есть ответственность. Сказки остались в сгоревших книжках и в памяти прочитавших.

Сколько всего теперь нужно вспоминать! Я стараюсь рассмешить мою душечку, подбодрить её. Укозявки хороший характер. Мы с мужем берегли её душу, но не прятали от жизни. Она знает, как поступать «плохо». Но пока не понимает, я думаю, как самой относиться к тому, кто это «плохо» делает легко и с удовольствием.

Ну вот, послала чуток. Рассвет близок. Весна — хорошо! А с другой стороны, темноты меньше — укрытий меньше.

Всё будет у нас! И лето с полянкой зелёной травы, и бабочки, и цветные мармеладки в форме носорогов. Мы ещё будем выбирать разные юбочки к одинаковым футболкам. Дочка вырастет красавицей, а уроки будет прогуливать. Я разрешу. Она и так много знает.

Эх, позвать бы Бога на чашку чая! Печенья напечь, пирогов... Салат из свежих овощей, сок морковный...

Он ведь есть? Правильно дочка говорит: мне так собачку жалко, что лежит на земле с развороченным животом. Кошечку жалко, у которой котятки вокруг тельца. И человека всякого жалко, особенно обыкновенных взрослых, которые умерли оттого, что закрывали своими телами любимых. А Богу, наверное, их не жалко?! Нас у Бога много. Всяких жучков и человек...

Может быть, конечно, Он прямо сейчас за моей спиной. Кто мне скажет наверняка?! Кто Его видел? Его, а не мёртвые тела живых существ.

Я никогда не роптала. И сейчас не буду. Мне нечего просить. Я готова сама построить нам с мышкой новый дом...

Мэцкей сутеми. Я готова к смерти. Но буду стремиться жить.

Дни седьмой и восьмой

Маленький мой отважный комочек, идём дальше? Идём, мама.

Мам, а Боженька есть?

Я думаю, что Он есть.

А где Он сейчас?

Я думаю, что Он рядом.

Где? Я Его не вижу.

Его никто не видит, такой уж Он. Но Его, я думаю, можно почувствовать.

Мама, я и не чувствую Его тоже! Вот мне холодно, я есть хочу, пить, в кровать, я к папе хочу!.. Вот это я чувствую!

Тише, тише, малышке нужно быть мышкой, ты помнишь?

Помню.

Ох, доченька, трудный вопрос ты спросила! Нет у меня ответа.

Но ведь ты уже большая, ты всё знаешь!

Нет, не всё. Да и никто всего не знает.

Зачем же тогда быть взрослым?

Этого не избежать. Хочешь или нет, но ты растёшь, взрослеешь, становишься старше. Только вопросов меньше не становится. Многое непонятно и нам, взрослым, и даже глубоким старикам...

И всё-таки где же Бог?.. Мама, мы с тобой видели только мёртвые тела, а Бога не видели...

Малышка, но мы видели и находили хлеб. Воду. И ночи не морозные. И мы целы, мы можем идти, бежать...

У тебя нога сломалась!

Нет, она только поцарапана. Ничего она не сломалась!

Ну и что? Всё равно только мёртвые люди, собаки и кошки. Дома нет, игрушек нет, и папа куда-то пропал...

Папа никуда не пропал. Он... а знаешь, он почти как Бог: мы его не видим, но он всегда-всегда рядом. Вот и сейчас.

Правда?

Да! Это правда! Папа сейчас с нами! Помолчи чуток. Послушай сердце. Заметила, оно быстрее забилось? Это от радости. Папа тут, с нами. Он гладит тебя по волосам, шепчет добрые прозвища. Просто сейчас ты его не видишь. Но знай: он всегда рядом и всегда будет стараться тебя защитить. Как и я...

Но тебя я вижу.

Конечно! В том-то и секрет родителей: хотя бы одного из родителей ребёнок всегда должен видеть, если второго пока нет: например, ушёл по делам.

Правда?

Да! Это правда! Так нам на курсах ответственных родителей говорили.

Ой! Вы с папой что же, учились на родителей?

Ну да! Учились! У нас же тебя сначала не было. Мы же не знали, как обращаться с дочкой, таким человечком-инопланетянином. Вот и пошли на учёбу, чтобы нам рассказали про детей, как с ними играть, чем их развлекать.

Ух ты, как здорово! А я-то думала, всё само получается! Вот мне же не надо учиться быть дочкой, правда? Я и так это отлично умею! Эх вы, мама с папой, ничегошеньки-то вы не знаете!

Ой, и не говори! Вот такие мы несмышлёныши. Куда нам до тебя, умничка наша? Но, если честно, мы всё равно сообразительнее тебя!

Мама! Ах вот ты как?!

А что? Не согласна? Давай смеяться, заяц! Давай смеяться...

День девятый

Я слышал каждый их разговор. Ночью, днём, ранним утром.

Я был рядом:

Когда разлетелся мост.

Когда в ночном небе свистели гранаты.

Когда они шли мимо горячих трупов.

Всегда.

Детская ладонь — в ладони матери. Я мог бы сломать кости обеих кистей.

(Я не хвальнось. Не испытываю удовольствия. Просто умею это делать.)

Как я нашёл их?

Я был позади разрушенного здания, под плитам которого прятался противник. Здание нужно было уничтожить, это важный стратегический объект, а их нельзя оставлять. Заряд я рассчитал точно.

Затем проверил: большинство, не мигая, смотрело в небо, — и я двинулся дальше.

Услышав речь, остановился. Вскинул автомат.

Женские голоса звучали близко. Я понимал каждое слово. Язык знаю с детства. Родной язык.

Сердце застыло ледяным комком: жена???

Нет, наваждение. Откуда здесь-то?! Она сейчас дома, у нас скоро родится сын. Дочка в школе — мы так ждали этой осени! Ей хотелось поскорее научиться считать, очень любит цифры. Они дома...

Сердце колотилось как сумасшедшее. Я начал задыхаться.

Но голос ужасно похож.

Или... потому что это голос матери, готовой защитить своё дитя? Может быть, голоса всех матерей мира звучат одинаково с голосами наших жён, дочерей?.. Мы должны их узнавать, где бы мы ни были и кем бы ни стали.

Я прислушался. Женщина пыталась рассмешить ребёнка. Ненормальная. Кругом вон что, а она смеётся. Впрочем, это объяснимо: психика не выдерживает. У моих ребят пару раз такое было: один расстрелял в серое небо всю обойму, второй с воинственным криком напал на единственную уцелевшую ель.

Смешно не было.

Но девочка смеялась почти легко и радостно. Она была грязная, тощая, волосы спутаны, колёнки разбиты, обувь в комках глины или песка. На плечах накинута огромная серая куртка, изрешечённая пулями.

Лицо женщины покрыто чёрными линиями. Это песок, забившийся в складки и морщины, когда она улыбалась. У неё тёмные глаза, на голове платок, нога забинтована, но тряпка без крови.

Её голос.

Как такое возможно?! Не моя жена. Не моя дочь. Но... и не противники. Какой же это враг?! У врага в руке нож, взгляд режет яростью, он рычит, он не человек, это мишень, цель, которую приказано уничтожить. У этих же нет оружия, только смех. Они не плакали, когда я их увидел. Может быть,

когда они не видели друг друга или спали, кто-то и позволял себе слёзы.

Женщина права. Мы твёрдо стоим на земле, но в руках у нас не лопаты и не семена. Мы тоже тревожим землю, но наше вмешательство не даст всходов. Земля скроет наши прес... деяния; на вопросы разрешено не отвечать.

А вот отказаться нельзя. Приказ. Сотни приказов. Они записаны на бумаге, скреплены печатями и подписями, пронумерованы и подшиты в папку «Хранить бессрочно». Мы должны их исполнять.

Мы можем только прятать глубоко внутри то, что видим. Мы многое должны запомнить, хотя об этом никогда никому не расскажем. Мы делаем, идём, убираем, проверяем, бежим, ищем всех укравшихся. Лучше бы им не попадаться нам на глаза. Да, мы убиваем. Мы ничем не можем им... хотя воды много, и консервов, и хлеб нам привозят чистый. Никто его не пинал, и мы не едим булочку, если на ней хоть крупинка песка.

Мы мужчи... Нет. Мы здесь даже не люди. Кто мы, если у нас приказ?

Я слышал каждый их разговор. Я шёл следом. У женщины нога забинтована. Возможно, вывих. Если б перелом, она бы уже не шла. Они всё время перемещаются — уже семь дней с короткими перерывами на ночной сон.

Я иду за ними.

Приказ.

И что-то ещё.

Потому что приказ я мог исполнить уже много раз. А иной воли по уставу у меня нет.

Они бы меня не увидели, если бы не волки. И ветер — он дул от меня. Один раз они ускользнули от тощих полудиких волков, а на второй я помешал. Хотел уйти в сторону бывшего парка, но подул сильный ветер. Я знаю, что от нас пахнет формой. Один волк повёл носом в мою сторону. Я побежал. Женщина с дочкой испуганно отскочили и побежали в другую сторону. Волки оживились.

Мои тоже. Два объекта попали в прицелы. Начался ливень. Ли-вень. Это громко и очень красиво. Если смотреть в кино. Это страшно, если у тебя за спиной. Я знал, что в меня никто не выстрелит, но не мог потерять бдительность. Удача может не быть на моей стороне.

Но пока везло. Напарники — снайперы. У волков не было шансов, от них избавились, пока я делал вдох. А вот объекты...

Я побежал за ними следом. За мной снайперы, поэтому я начал петлять. Знаю, Первый разъярился.

Знаю, Второй проклял меня. Но я пытался заставить видимость. Иначе либо Первый, либо Второй... уведут мои медали.

У объектов... у женщины с ребёнком был только заброшенный парк. Сложная местность: ландшафт практически не тронут, естественные насаждения. Но в моём детстве был похожий парк, а потому я не растерялся. Они будут искать укрытие. А в парке оно только одно: фонтан. Деревья сожжены. Скамеек нет. Это просто парк для пешеходных передвижений, никаких аттракционов. Чаша фонтана разбита, из двух её половинок собралась конструкция по типу крыши. Они будут там.

Они там были.

Приказ.

Жена, дочь, ожидание сына.

Торт на семилетие.

Глаза в глаза.

Мать. Ребёнок.

Матч любимой команды. Дочка обязательно выдернет шнур.

Ожидание конца.

Глаза в глаза.

Я ведь вернусь, и будут у меня дни спокойствия, игры на планшете, бег по утрам и завтрак с семьёй. Я выполню приказ, и меня наградят медалью. Я выполню приказ, ведь так должно быть.

Я вернусь к жене и дочке. Я жду появления сына. Я живу в благополучной стране, я люблю свою землю и людей рядом, моих соотечественников.

Но мать. И её дочь. Я спутал их голоса с голосами моих. У нас один язык.

Что скажет мне дочь? А я ей?

У девочки чёрные ногти. Ей нужна ванна. Доверчивый взгляд, а у меня автомат.

Моя дочка любит дуть на мои ресницы. Когда она лежит на моей груди, я каждый раз клянусь себе, что ещё одна командировка — и я больше никогда.

В парке местами огонь. Зелень догорает. Горит земля. Чёрная плитка пешеходных дорожек.

Глаза в глаза.

Отвожу взгляд.

Рация.

Зажимаю кнопку: «Есть! Я иду в ту сторону». Куда же они делись? Я только что слышал их разговор!

Я иду в другую.

Я заканчиваю свою командировку.